

А. П. МАРКОВ,

профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП,
доктор педагогических наук, доктор культурологии

РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ КАК ТИП БЫТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В самой формулировке («Российский интеллигент как этический идеал воспитания») содержится определенное противоречие.

Во-первых, идеал — это человеческое видение Абсолюта, его нельзя искать в эмпирической плоскости. Область идеального — царство последних истин, которому открыт человек как духовное существо, свободное от витальной зависимости. Идеал — абсолютная ценность, противоположная жизни.

Во-вторых, в контексте христианской культуры (тем более в ее православном варианте) такая постановка проблемы выглядит, по меньшей мере, неубедительной.

Как известно, моральный идеал в христианстве пока никто не отменял (его обозначил

Христос в Нагорной проповеди). Он строится вокруг трех ценностей: *нестяжательства* (отказ от материальных благ согласно духовному выбору). Блаженны нищие духом. Главное, чтобы был хлеб насущный днесь (на каждый день); *страдания* (которые обеспечивают блаженство; вечной и блаженной жизни в Царствии Небесном достойны: плачущие, кроткие, чистые сердцем, жаждущие правды, гонимые за правду). Страдание — это условие достижения идеала любви и справедливости; последователи Христа должны быть готовы к трудному миссионерскому служению истине и возможным страданиям на этом пути; *любви* (немотивированной, нерациональной, строящейся на всепрощении, мак-

симальном самоотречении, любви как непротравлению злу насилем). Эти ценности в рамках рациональности и здравого смысла противостоят естественным, антижизненным (об этом писал еще в 1906 г. В. В. Розанов: «Христианство — это религия, в центре которой — гроб, религия мертвого Бога. Только христианство пыталось разрушить недра мира, как бы проколоть иглою зародышевую сущность мира. Идеал христианства — иночество, а это означает отрицание “дома”, хозяйства, семьи. Христианством глубочайше будет разрушен тип социальной жизни. Это есть разрушение, на месте которого ничего не вырастает. Не менее разрушается тип истории. Будущее не нужно тому, у кого не будет потомства»). Примечание: Запад от ценностей, составляющих ядро христианского морального идеала, избавился еще во времена Реформации. Поэтому там нет интеллигенции.

Следовательно, говорить об интеллигенции как о носителе нравственного идеала можно лишь постольку, поскольку она является преемницей идей последователей Христа. На наш взгляд, для такого утверждения есть достаточные основания. Действительно, русский интеллигент выражает саму суть национального духа, и прежде всего доминированием в его понимании смысла жизни ценностей идеального мира. («Не многие для вечности живут. Но если ты мгновенным озабочен, твой жребий страшен и твой дом не прочен» — О. Мандельштам). Категорически утверждая себя в духовной ипостаси бытия, русский интеллигент боится попасть под «чуждое» влияние, стать жертвой «врагов», несущих иные ценности. Отсюда — стремление отыскать «последнюю» правду-истину, абсолютную справедливость, максимализм идеала и готовность идти на любые жертвы во имя высоких идей. «Аскетизм отречения, — как справедливо заметил Г. Федотов, — не знает предела жертвы — от самоотречения во имя идеала до отречения от всех святынь: народа, России, Бога».

Русская интеллигенция — это социальность, нравственный максимализм, страдание. Это та часть интеллектуалов, которая выразила и довела до предела мировоззренческую и психологическую противоречивость, амбивалентность русского характера в целом. Как известно, эта черта является определяющей в структуре «русской души», которая содержит в себе целый ряд взаимоисключающих качеств (Н. Бердяев): деспотизм, гипертрофию государства — и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию — и доброту, человечность, мягкость; обостренное сознание личности — и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и — универсализм, всечеловечность; эсхатоло-

гически-мессианская религиозность — и внешнее благочестие; искание Бога — и воинствующее безбожие; смирение — и наглость; рабство — и бунт.

Интеллигентское сознание отличает особый катастрофизм — острота переживания гибели («конца света»). Н. Бердяев эту специфическую для российского менталитета черту объяснял объективными фактами — по частоте и остроте переживания общественно-политических и социально-культурных кризисов катастрофы являются роковой неизбежностью российской истории, составной частью судьбы России и в определенном смысле трагической «печатью» ее специфики (говоря о катастрофичности русской культуры).

Таким образом, русская интеллигенция представляет собой третий этап в развитии христианского идеала (первый — Христос и апостолы; второй — византийские и православные святые). Он объединяет тех людей, которые жили и страдали во имя идеи, в судьбе и творчестве воплощали заповеди Христа (и тогда в одном ряду оказываются православные святые, Гоголь, Достоевский и князь Мышкин, Чернышевский и Рахметов и т. д.).

В этой связи можно обозначить несколько сущностных социально-культурных функций русской интеллигенции:

1) она является персонифицированным символом духовного ядра культуры, «образом для подражания»;

2) она осуществляет самосознание и самопознание национальной культуры (ее миссия — понимать и отражать в слове, образе духовную уникальность, обеспечивать преемственность культуры, сохранять духовный код нации, удерживать целостность культуры во времени). Концентрированная форма самосознания отечественной духовности — так называемый «петербургский текст» (в литературе, живописи) — как нечто целостное в мировоззренческом и даже в событийном плане. Его творцы — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Ап. Григорьев, Блок, Белый, Мережковский, Вяч. Иванов, Мандельштам, Ахматова и многие другие);

3) русская интеллигенция корректирует реальность, приводя ее в соответствие с идеалом (наверное, здесь корни ее чрезмерной революционности). Интеллигенция — это не пассивное самосознание, зеркало, но и образ-проект, который творит, формирует отечественную духовность.

Таким образом, русская интеллигенция может быть персонифицированным символом личного самоопределения, нравственной «планкой» самовоспитания. Но этот образ не должен рассматриваться в качестве идеала институционализированной системы воспитания.